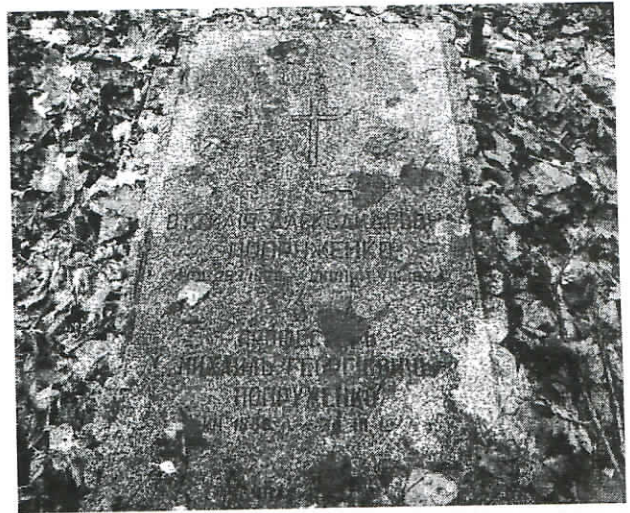

он доступен для участия всех желающих. На его заседаниях обсуждаются общие методологические проблемы культуры памяти и конкретные вопросы некрополистической эвристики. В течение 2010–2014 годов здесь были представлены материалы, собранные сотрудниками Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына во время зарубежных поездок. М. Ю. Сорокина сделала обзор российских некрополей США, Канады и Бразилии с акцентом на историю российского научного зарубежья; Н. Ю. Масоликова рассказала о поиске захоронения учено-правоведа, заместителя председателя Государственной думы Российской империи А. Ф. фон Мейендорфа в Великобритании; П. А. Трибунский — о розыске могилы историка Г. В. Вернадского в Нью-Хейвене (США). Историк военного зарубежья И. В. Домнин представил доклад «Деятели русской военной культуры и зарубежный воинский некрополь», В. Л. Юшко — «Некрополь Великой войны (1914–1918): Русский след в Польше». И. А. Лопухина поделилась впечатлениями о состоянии русского некрополя в Чили, В. Г. Шаронова — в Шанхае (Китай), С. В. Романова рассказала об истории русских могил острова Сан-Микеле (Венеция, Италия). Материалы докладов семинара постоянно публикуются в «Ежегоднике Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына».

Могила филолога М. Г. Попруженко (1866–1944). Центральное городское кладбище. София, Болгария.
Фото М. Ю. Сорокиной

Приглашаем всех коллег и интересующихся к путешествию по еще так мало знакомой россиянам земле под названием «российское научное зарубежье». На сайте вы найдете своего рода путеводитель по ней. Надеемся, что он также станет площадкой для оживленных дискуссий, неожиданных встреч через время и пространство и одновременно — для тихой минуты памяти и скорби.

Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина

Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект *Antipoffiana**

Познать человека и полюбить его.

Девиз Психоневрологического
института им. В. М. Бехтерева

В первых числах августа 1929 года в бухту Рио-де-Жанейро (Бразилия) вошел трансатлантический итальянский лайнер «Юлий Цезарь» — один из лучших океанских кораблей того времени. Двести метров в длину и

двадцать пять метров в ширину, «Юлий Цезарь» был построен на верфи в Англии и отправился в свое первое плавание в 1922 году. Через три года, в 1925-м, он начал совершать регулярные рейсы из Европы в Южную Америку, перевозя на своем борту более тысячи восьмисот пассажиров, размещавшихся в четырех классах. Среди них было немало эмигрантов, пересекавших Атлантический океан

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (№15-06-10221), которому авторы выражают глубокую признательность за поддержку.

в поисках лучшей доли. Так, именно на этом пароходе в январе 1929 года в порт Буэнос-Айреса (Аргентина) прибыла итальянская эмигрантка Роза Бергольсо, бабушка будущего папы римского Франциска — первого понтифика из Латинской Америки, избранного на папский престол в 2013 году.

Среди пассажиров «Юлия Цезаря», в августе 1929 года после двухнедельного морского перехода бросившего якорь в Рио-де-Жанейро, находилась и другая женщина-эмигрантка — русская по происхождению научная сотрудница одного из ведущих мировых психолого-педагогических центров исследований детства — Института Жан-Жака Руссо в Женеве (Швейцария). Она ехала в Бразилию всего на несколько месяцев, по контракту с правительством штата Минас-Жерайс, которое проводило в это время образовательную реформу. В тот момент еще никто не предполагал, что недавняя жительница российского Санкт-Петербурга останется в Бразилии навсегда, что ей суждено коренным образом изменить представления бразильского общества о так называемых «исключительных» — детях с особенностями развития, а в ответ благодарные бразильцы поставят ей памятник — единственный в этой стране памятник женщине-ученому. Эмигрантку звали Елена Владимировна Антипова (1892—1974).

История российской диаспоры в странах Латинской Америки, в частности Бразилии, изучена еще очень мало¹. Только в 2011 году появилась первая, основанная на широком изучении архивных документов научная монография М. Н. Мосейкиной, представившая масштабное описание «трудов и дней» российской эмиграции в странах латино-американского континента в 1920—1960 годах².

Среди россиян, эмигрировавших в Южную Америку до и после Второй мировой войны, были и научные специалисты, однако современная историография пока редко упоминает о них³. Между тем латиноамериканские государства оказались для многих российских ученых не только временным убежищем, но и местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. Так, в Аргентине и Бразилии еще до революции активно работали ботаник-географ и путешественник Н. М. Альбов (1866—1897) и известный энтомолог и селекционер, корреспондент академика Н. И. Вавилова — М. Ф. Бондарь (1881—1959). В отличие от некоторых европейских коллег, утративших в изгнании после революционных потрясений 1917 года, Гражданской и Второй мировой войн свой высокий социальный и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае, Венесуэле и Перу немало российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий в самых разных областях научного знания⁴.

В Аргентине активно работали геологи князь Г. Г. Гагарин (1912—1950) и А. М. Пятницкий (1880—1960), палеонтолог и биолог С. Д. Болтовской (1912—1997), зоологи К. И. Гаврилов (1908—1982) и Н. И. Кузнецов (1897—1963), энтомолог князь С. С. Шаховской (1903—1974). В Парагвае большая группа военных инженеров и математиков во главе с И. Т. Беляевым (1875—1957) и С. Л. Высоколяном (1895—1986) фактически стала родоначальницей местной национальной инженерной школы. В Бразилии и Чили богатое научное и культурное наследие оставили ботаник-систематик Б. В. Скворцов (1896—1980), энтомолог и герпетолог Ц. Воронцов-Дашков, геолог Б. В. Бражников (1904—1988), астроном

¹ См., например: Окунцов Н. К. Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980; Сизоненко А. И. Русские открывают Латинскую Америку. М., 1992; Русское зарубежье в Латинской Америке. М., 1993; Россия и Бразилия: 200 лет знакомства: Свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. М., 2004; Русские в Уругвае: история и современность. Монтевидео, 2009; Ульянова О., Норамбуэна К. Русские в Чили. Santiago, 2009.

² Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920—1960 гг. М., 2011.

³ Из публикаций последних лет см.: «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из энциклопедического наследия психолога Елены Антиповой / предисл. и публ. Н. Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 363—384; Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К. И. Гаврилова историку Н. Е. Андрееву (1948—1980) / публ. Е. Н. Андреевой, М. Ю. Сорокиной, Н. Ю. Масоликовой и др. // Там же. 2011. М., 2012. С. 608—652; Мосейкина М. Н. «Отец бразильской ядерной физики»: Глеб Васильевич Вагагин в Сан-Пауло // Родина. 2013. № 10. С. 62—64; и др.

⁴ См.: Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиогр. словаря / сост. М. Ю. Сорокина. Пилотн. вып. 1—6. М., 2010—2011.

А. И. Постоев (1900–1976), физик-теоретик Г. В. Ватагин (1899–1986), электрохимик А. И. Глазунов (1888–1951), физиолог, антрополог, этнолог А. А. Липшунц (1883–1980), филолог Б. С. Шнайдерман и многие другие. Их богатый организационный, инженерный и научный опыт был особенно востребован в первой половине XX века, когда многие страны Латинской Америки начинали реформировать свои образовательные структуры и развивать свой научный и промышленный потенциал. В таких социальных условиях для образованных специалистов открывались значительные возможности профессионального и карьерного роста. «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана», – констатировала психолог Елена Антипова уже в одном из первых писем после приезда в эту страну (1929 год)⁵.

Впрочем, русские эмигранты, принадлежавшие к другим профессиональным сообществам, далеко не так позитивно оценивали перспективы своей жизни в Южной Америке. В те же дни из Бразилии офицер барон Тизенгаузен писал друзьям совершенно обратное: «Многие приезжие через несколько лет уезжают обратно. Многие заболевают и умирают. Нужна сильная воля, необходимо отвыкнуть от всего, что мы называли цивилизацией, культурой, всеми удобствами. И нужно железное здоровье. <...> Я только тому советовал бы приехать сюда, кому никакой возможности нет устроиться в Европе»⁶. Тем не менее, если отцам удавалось стать успешными и быстро адаптироваться к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту, то и их дети навсегда оставались в латиноамериканских странах, внося часто большой вклад в развитие национальной науки и образования.

Но даже на этом фоне случай психолога Елены Антиповой выглядит особым. Приехав в Бразилию тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя интеллектуально одаренных детей, ибо таков был первичный социальный заказ, она существен-

но видоизменила поставленные перед ней прямолинейные задачи отбора и пошла дальше, окрашивая и расширяя их гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. Как и подавляющее большинство русских интеллигентов, Антипова с юности верила в образование как важнейший инструмент развития личности. В труднейших условиях разных, но преимущественно военных бразильских политических режимов личным примером и высокопрофессиональной работой она сумела убедить власть и общество, церковь и благотворительные организации, чиновников, коллег и родителей в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, а может быть, и прежде всего «отстающих».

За полвека работы в Бразилии Е. В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня – от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Уже несколько десятилетий в Бразилии успешно действуют образовательный Фонд Елены Антиповой (Foundation Helena Antipoff, FNA), Центр истории психологии и документации им. Елены Антиповой при Федеральном университете Минас-Жерайс; на португальском языке издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив⁷. Подвижническая деятельность русского психолога по интеграции «исключительных» и «нестандартных» получила высокое государственное признание в Бразилии: Антипова была удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных штатов страны Минас-Жерайс, ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично президентом Бразилии).

Биография Е. В. Антиповой, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии при-

⁵ «Энергичные, знающие интеллигенты...» С. 370.

⁶ Цит. по: Белобровцева И. Русская эмиграция: ось Тарту – Оксфорд – Харбин // Балтийский архив : Русская культура в Прибалтике. Таллинн, [1996]. Т. 1. С. 157–158.

⁷ Библиографию научных работ Е. В. Антиповой см.: Campos R. H. F. Helena Antipoff : Psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. Rio de Janeiro, 2012. P. 404–411.

⁸ Назовем основные работы последних лет: Campos R. H. F. Helena Antipoff. Recife, 2010; *Idem*. Helena Antipoff : Psicóloga e educadora... ; *Idem*. Helena Antipoff : A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Portraits of Pioneers in Developmental Psychology / ed. W. Picken, D. Dewsbury, M. Wertheimer. Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. New York, 2012. P. 51–66.

влекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран⁸. Международный научный colloquium, состоявшийся в июне 2012 года в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, впервые широко рассказал россиянам о незаурядной личности и огромном вкладе Е. В. Антиповой в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространств⁹. Состоявшаяся в августе того же года в Бразилии, в городе Белу-Оризонти, XXX международная конференция, посвященная научному наследию Е. В. Антиповой, позволила авторам настоящей статьи познакомиться с ее бразильской библиотекой и архивом, которые хранят уникальную информацию о жизни и деятельности ученого¹⁰. Каково же было наше удивление, когда среди немногочисленных русских книг, сохранившихся в этом собрании после трансатлантических перемещений его хозяйки и абсолютное большинство которых составляют научные монографии, мы обнаружили небольшую двухцветную брошюру — первый выпуск сборника «Жатва духа: жития святых» Елизаветы Юрьевны Скобцовой (1891–1945), изданный ИМКА-Пресс в 1927 году. С первого взгляда было ясно, что книжечка не могла случайно оказаться в далекой Бразилии и имела какое-то важное значение для ее хозяйки.

Что же связывало автора «Жатвы духа» — сначала Лизу Пиленко, затем поэтессу Елизавету Кузьмину-Караваеву, еще позже Елизавету Скобцову, а после принятия в 1932 году во Франции монашеского пострига мать Марию, хозяйку приюта для обездоленных, участницу французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, закончившую свой жизненный путь в газовой камере фашистского концлагеря¹¹, — с выдающимся русско-бразильским психологом профессором

Еленой Антиповой? Что связывало двух русских женщин, не по своей воле оказавшихся на чужбине? Ответу на этот вопрос, в частности, и посвящена настоящая статья.

Е. В. Антипова приехала в Бразилию уже в статусе одного из ведущих исследователей Института Жан-Жака Руссо в Женеве. На фотографиях 1920-х годов она всегда в центре группы научных сотрудников, рядом с основателями и руководителями института — профессором Эдуардом Клапаредом (1873–1940) и Пьером Бове (1878–1965). У первого Антипова получила высшее психологическое образование еще до большевистской революции 1917 года. А уже после революции приняла самое активное участие в педологических обследованиях детей (сирот, беспризорников, социально нуждающихся) в карантинно-распределительных пунктах Вятки и Петрограда, изучая физическое и интеллектуальное развитие малышей, прошедших сквозь ужасы социальных катаклизмов, и одновременно оказывая им первую психологическую и социальную помощь.

«Хождение по мукам» в период революции и гражданской войны не обошло стороной и ее собственную семью: ее муж, писатель Виктор Ирецкий (1882–1936), был арестован ГПУ и выслан осенью 1922 года в рамках известной акции «философский пароход» в Германию. Вслед за ним Е. В. Антипова с сыном Даниилом вынужденно покинули СССР в 1924 году¹².

Несмотря на короткий по времени опыт психолого-педагогической работы в России, на наш взгляд, именно «русский старт» Елены Владимировны, вобравший в себя интеллектуальный и духовный семейные архетипы, насыщенную петербургскую культурную атмосферу Серебряного века и лучшие гуманистические традиции российского психолого-педагогического сообщества, многое

⁸ См.: Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю. Международный научный colloquium «Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2012. М., 2013. С. 634–640; Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М., 2014.

⁹ Приносим искреннюю благодарность профессору Режине де Фрейтас Кампос за предоставленную возможность познакомиться с материалами архива Е. В. Антиповой и опубликовать их.

¹⁰ По одной из версий, в канун Пасхи мать Мария пошла в газовую камеру концлагеря Равенсбрюк вместо одной из отобранных администрацией лагеря женщин. В январе 2004 г. она канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

¹¹ В. Я. Ирецкий жил и работал в Берлине до самой своей кончины в 1936 году. Он автор многочисленных романов на русском языке. Д. В. Антипов-Ирецкий (1919–2005) пошел по стопам матери и стал психологом, работал в Белу-Оризонти.

определил в ее профессиональной работе в будущем.

Е. В. Антипова родилась 25 марта / 7 апреля 1892 года в городе Гродно Минской губернии, где стоял полк ее отца, Владимира Васильевича Антипова (1862–1927), в то время офицера 101-го пехотного Пермского полка Виленского военного округа. Владимир Антипов был уроженцем одной из западных губерний Российской империи – Лифляндской – и происходил из семьи русских купцов второй гильдии. Согласно недавно найденным рижским историком С. Н. Ковальчук архивным материалам, первый известный представитель рода Антиповых платил налоги в Риге еще с 1791 года. На протяжении всего XIX века члены семьи вели здесь купеческие дела и активно участвовали в благотворительной деятельности русских рижан¹³.

В 1907 году полковник Генерального штаба В. В. Антипов возглавил Петербургское пехотное юнкерское училище (с 1910 года Владимирское военное училище) и в этой должности встретил начало Первой мировой войны. Почти сразу он получил назначение на фронт, а в апреле 1917 года был назначен командиром 19-го армейского корпуса и произведен в генерал-лейтенанты – ранг, ставший последним в его военной службе. Мать Елены Антиповой – Софья Константиновна, урожденная Стоянова, – также происходила из служилой армейской семьи и, судя по сохранившимся письмам, обладала решительным и волевым характером. Весь семейный круг Антиповых – это люди, чьи профессиональные успехи достигались благодаря личным достоинствам и неустанным трудам. Здесь ценили целеустремленность и упорство в достижении цели, верность Отечеству и присяге.

В петербургской частной женской гимназии Л. С. Таганцевой Нелли (домашнее имя Елены Владимировны) Антипова познакомилась с другой Россией – с людьми, не менее преданными родине, но мыслившими и действовавшими по-иному. Гимназия Таганцевой пользовалась репутацией лучшей и самой дорогой женской гимназии Петербурга

начала XX века. Здесь, на Моховой, 27, преподавали первоклассные педагоги, которых отбирала сама директриса. Любовь Степановна Таганцева, родная сестра известного правоведа, сенатора Н. С. Таганцева, была незаурядной женщиной. Многие годы она мечтала о собственной школе и, создав ее в 1883 году, вкладывала в развитие гимназии и учениц всю душу и знания. Однако, как вспоминала одна из выпускниц, революционные битвы начала XX века захлестывали и гимназию: некоторые учителя прямо на глазах учениц боролись с Л. С. Таганцевой за руководство учебным процессом¹⁴.

Облик и стиль поведения Л. С. Таганцевой хорошо запомнились И. Э. Еленевской: «Небольшого роста, с правильными чертами лица и гладко, на прямой пробор причесанной головой, она держала себя с таким достоинством, что производила подчас величественное впечатление. Ходила она очень быстро, скользя в своих прюнелевых сапожках по всегда отлично начищенному коридору. Иногда во время урока дверь тихо отворялась и на ее пороге появлялась ее прямая фигурка. Сразу все в классе подтягивались, начиная с учителя и классной дамы и кончая самой отчаянной шалуньей в классе»¹⁵. Читая эти строки, так и кажется, что написаны они и о Елене Антиповой, – настолько ученица впитала дух и стиль своих гимназических учителей.

По свидетельству всех мемуаристов, в гимназии царил атмосфера дисциплины и дух научной критики. В старших классах читались лекции, а учителя здоровались с ученицами за руку. «Мы чувствовали себя слушательницами высших курсов, – писала И. Э. Еленевская. – Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика»¹⁶. Кроме того, гимназистки были в курсе всех литературных, театральных, выставочных и музыкальных событий в Петербурге. Не случайно многие из них нашли себя в искусстве и науке, а героиня эпопеи Александра Солженицына «Красное колесо»

¹³ Ковальчук С. Лифляндские корни Е. В. Антиповой : Опыт реконструкции фамильного древа // Образование для всех и ученые-эмигранты. 2014. С. 73–74.

¹⁴ Афанасьева А. Воспоминания о прошлом // Революционное юношество 1905–1917 гг. Л., 1924. Сб. 1. С. 92.

¹⁵ Еленевская И. Э. Воспоминания. Цит. по: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_1.asp (24.11.2014).

¹⁶ Там же.

Гимназистки. Санкт-Петербург, 1909.
Слева направо: А. Афанасьева, Е. Пиленко, Е. Антипова,
Н. Воленс, Е. Таль, Н. Михневич, Ю. Эйгер.
Опубликовано: Литературная панорама. 1990. № 11.

Свидетельство Е. В. Антиповой
о дополнительных испытаниях
в Ларинской гимназии. Санкт-
Петербург. СПб, 1910.
Архив Е. В. Антиповой.
Белу-Оризонти, Бразилия.
Публикуется впервые.

Наташа Аничкова училась именно у Л. С. Таганцевой.

Даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой выделялся своим интеллектуальным уровнем. А внутри него еще более заметной была небольшая компания подруг, «самый блеск», с которыми «гимназия носилась... как курица с высиженным ею утенком»¹⁷, — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юлия Эйгер, Нелли Антипова.

Вот, оказывается, как глубоко во времени уходило знакомство будущей матери Марии и бразильского профессора Антиповой, — ближайшие гимназические подружки; на одной из сохранившихся фотографий 1909 года они так и сидят рядом: слева — Лиза, справа — Нелли¹⁸. Дочери высокопоставленных военных, преуспевающих медиков и адвокатов, выросшие в атмосфере материального достатка, эти таганцевские гимназистки стыдились своего благополучия, искали социальную справедливость и осенью 1908 года даже организовали кружок по изучению марксизма. Вскоре, не довольствуясь теорией и к ужасу

родителей, они «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Десятилетия спустя, в 1990 году, в журнале «Ленинградская панорама» появилась фотография юной Антиповой с серьезной, в духе времени подписью: «Нелли Антипова — член подпольной организации учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП (б)»¹⁹.

Конечно, до «подпольной организации» таганцевскому гимназическому кружку было далеко. Однако, несмотря на утверждение девушек, что их кружок был самого академического духа, он сразу попал под наблюдение тайной полиции. Вскоре неблагонадежное поведение дочери было поставлено на вид полковнику В. В. Антипову, а в Департаменте полиции на нее завели надзорное дело. Ю. Эйгер в мемуарах подтвердила небезосновательность полицейской активности: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала²⁰, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое

¹⁷ Афанасьева А. Воспоминания о прошлом. С. 94; см. также: Агеева Л. Петербург меня победил... : Документальное повествование о жизни Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. СПб., 2003.

¹⁸ См.: Ленинградская панорама. 1990. № 12. С. 28.

¹⁹ Там же.

²⁰ Генерал-майором В. В. Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

*Дом на Знаменской улице
(ныне ул. Восстания, 23), в котором проживала
семья Антиповых в Санкт-Петербурге.*

Фото М. Ю. Сорокиной

окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника <К. Ф.> Неслуховского, вся семья которого участвовала в революционном движении. Однажды обе девушки-подружки — Лиза Таль и Нелли Антипова — сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупреждать об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года²¹. Заметим, что еще осенью 1906 года на упомянутой квартире К. Ф. Неслуховского лидер большевиков В. И. Ленин провел несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП (б).

Описанные события происходили в год окончания гимназии. Нелли Антипова собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увезти дочь за границу, подальше от оппозиционно настроенных друзей, и тем самым невольно определил профессиональное будущее девушки.

Почти все ее одноклассницы окончили Высшие женские (Бестужевские) курсы, и,

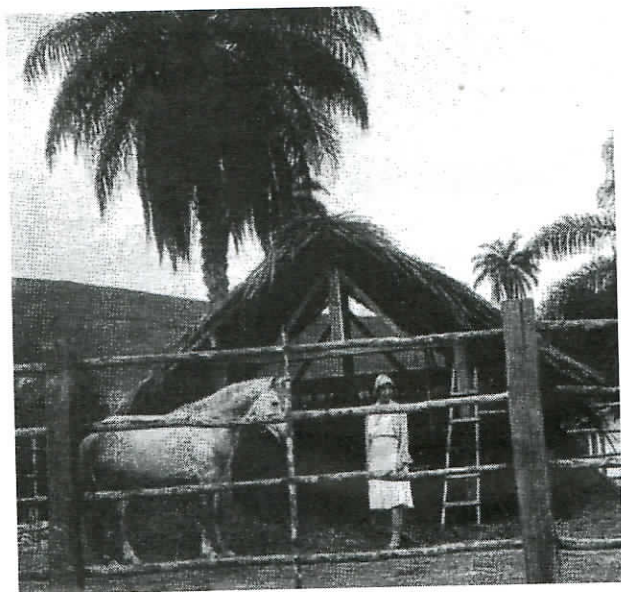
хотя юношеские идеалы служения обществу у каждой из девушек нашли свои жизненные преломления, общие духовные устремления еще многие годы объединяли подруг. Юлия Эйгер (в замужестве Юлия Яковлевна Мошкова; 1892–1969) стала историком, работала в журнале «Историк-марксист» и в Институте истории АН СССР. Лиза Таль (Елизавета Львовна Таль-Тархова; 1893–1987) своей профессиональной стезей избрала хирургию, оперировала в Боткинской больнице в Москве. Экономист, научный сотрудник Академии наук Нина Васильевна Воленс (1893–1937) в 1928 году была арестована по делу «зарубежной контрреволюционной организации «Крестьянская Россия»» и приговорена к десяти годам заключения, которое отбывала в Ярославской тюрьме, а 4 сентября 1937 года была расстреляна.

Из всей таганцевской компании только Лиза Пиленко и Нелли Антипова эмигрировали из России после прихода к власти большевиков; их подруги остались на родине. Спустя много лет Ю. Я. Эйгер напишет: «В те самые годы (1908–1912) меня окружала

Е. В. Антипова перед отъездом в Берлин. 1924

²¹ Эйгер-Мошковская Ю. Я. Надеждой бились юные сердца // Ленинградская панорама. 1990. № 12. С. 26; Афанасьева А. Воспоминания о прошлом. С. 100.

Е. В. Антипова в Бразилии. 1932

прекрасная молодежь — талантливая, чистая и идейная. Она заслуживает того, чтобы о ней вспомнили. Большинства из них уже нет, многие погибли, следы некоторых утеряны²². Конечно, в первую очередь она имела в виду погибшую Нину Воленс и «исчезнувшую» Елену Антипову.

Впрочем, на протяжении 1920-х годов подругам удалось еще несколько раз встретиться за границей. По всей видимости, книжечка «Жатва духа» — свидетельство одной из таких встреч Е. В. Антиповой и Е. Ю. Пиленко (тогда уже Е. Ю. Скобцовой). Может быть, она была подарком маленькому сыну Антиповой Даниилу на именины? Рассказывают, что книжная серия Скобцовой, в которой публиковались пересказы житий святых, как раз и выросла из вопроса одного из лидеров русской программы Христианского союза молодых людей Пола (Павла Францевича) Андерсена философу Б. П. Вышеславцеву: «Какую бы книгу русская семья подарила подростку на именины?»²³. Так или иначе, но книга, центром которой была идея просветления и расцвета чужих душ как результата жертвенного служения святых подвижников, вряд ли была случайно выбрана для подарка старой подруге.

Более четырех десятилетий подвижнической деятельности по спасению и интеграции «исключительных» и «нестандартных» в

условиях бразильских военных политических режимов — отдельная и многостраничная глава в истории жизни психолога Елены Антиповой. Пережившая страшные годы войн и революций, она на собственном опыте выстрадала убеждение, что социальный баланс в обществе может быть достигнут только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала. В отличие от матери Марии, избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова своим главным инструментом преобразования мира сделала просвещение и его институты. «Апостол женского рода, ниспосланный нам из российского поднебесья, — она сама была лучшим примером того “созидательства”, которому учила, которое проповедовала самой жизнью своей», — писал об Антиповой известный бразильский писатель Отто Лара Резенде²⁴.

Елена Владимировна Антипова скончалась в госпитале Св. Луки в Белу-Оризонти 9 августа 1974 года. В последний путь ее провожали тысячи людей во главе с губернатором

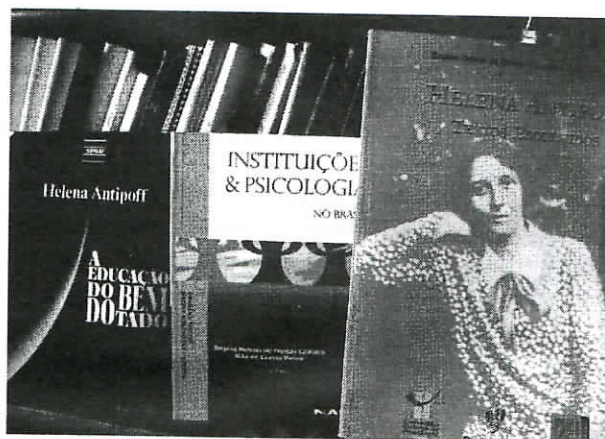
Памятник Е. В. Антиповой в городе Ибирите, Бразилия. Фото М. Ю. Сорокиной

²² Ленинградская панорама. 1990. № 11. С. 32.

²³ Вестник РХД. 1985. № 144. С. 256.

²⁴ Цит. по: «Энергичные, знающие интеллигенты...» С. 364.

штата Минас-Жерайс²⁵. XX век открыл, что «близорукие» интеллигенты могут изменять человечество и каждого человека в отдельности гораздо глубже и значительнее, чем войны и походы. Сегодня образ русского психолога Елены Антиповой узнаваем и почитаем не только в Бразилии, он занимает достойное место в пантеоне лучших мировых представителей гуманистической мысли XX века. У России немало своих святых и «несвятых» подвижников, несших в мир добро, любовь, знания и гуманизм, и среди них бывшие гимназические подруги — мать Мария и Елена Антипова.

Труды Е. В. Антиповой

²⁵ Фотографии захоронения Е. В. Антиповой см. на сайте «Некрополь российского научного зарубежья»: http://www.russiangrave.ru/?id=21&prs_id=75 (24.11.2014).

В. Ю. Волошина

Путь в науку: воспроизводство научно-педагогических кадров в зарубежье в 1920–1930-е годы

Российские ученые, по разным причинам оказавшиеся к началу 1920-х годов в эмиграции, считали свое изгнание временным и стремились воссоздать в новых условиях полноценное научное сообщество, существование которого невозможно без устойчивой практики постоянного пополнения научных кадров. Актуальность сохранения дореволюционной системы воспроизводства ученых специалистов для эмигрантов усиливалась еще и тем, что в 1918 году в советской России были отменены ученые степени и звания. Использование прежней научно-аттестационной системы означало спасение самого сообщества людей науки. Именно поэтому Союз русских академических организаций за границей, объявивший себя единственным представительством русских ученых за рубе-

жом, уже на своем I съезде в 1921 году принял постановление «О положении русских ученых за границей и о лицах, подготавливающих к профессуре», в котором постарался сохранить институт профессорских стипендиатов. Однако эмигрантские условия пребывания в ином социокультурном пространстве и правовом поле неизбежно влияли на возрождаемые институты и вели к их трансформации. Анализ этой трансформации необходим для изучения феномена научного зарубежья, он позволяет понять, удалось ли ученым сохранить приверженность к дореволюционному аналогу. В современной отечественной историографии существует ряд исследований, так или иначе посвященных системе воспроизводства научно-педагогических кадров в Российской империи¹. До недавнего времени

¹ Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертационная культура российских историков XIX — начала XX в. : Замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка : историогр. сб. / отв. ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск, 2010. Вып. 6. С. 15–20; Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани : 1863–1917 гг. Казань, 2012; Высшее образование в России : очерк истории до 1917 г. М., 1995; Жуков В. И. Университетское образование : История, социология, политика. М., 2003; Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи : XVIII в. — 1917 г. М., 1994; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2; Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века : Социокультурный аспект. М., 2008.